

ПО ОСТРОВАМ ОКЕАНИИ

(ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ ВО ВРЕМЯ ШЕСТОГО
ЭКСПЕДИЦИОННОГО РЕЙСА «ДМИТРИЯ МЕНДЕЛЕЕВА»)

В июле — октябре 1971 г. состоялся 6-й рейс научно-исследовательского судна АН СССР «Дмитрий Менделеев» (начальник экспедиции — А. А. Аксенов, капитан — М. В. Соболевский). В рейсе участвовали ученые многих специальностей, в том числе группа этнографов. Это был первый выезд этнографов нашей страны на острова Океании со времен Н. Н. Миклухо-Маклая. Легко понять те большие ожидания, которые мы связывали с этим рейсом.

В этнографический отряд экспедиции входили шесть сотрудников Института этнографии АН СССР: москвичи В. Н. Басилов, М. В. Крюков и Д. Д. Тумаркин (начальник отряда), ленинградцы Н. А. Бутинов, Н. М. Гиренко и Б. Н. Путилов. Кроме того, в отряд были включены И. М. Меликсетова (Институт востоковедения АН СССР) и О. М. Павловский (Институт антропологии МГУ). Все члены отряда работали увлеченно, с полной отдачей сил, не считаясь с трудными климатическими условиями, усталостью, а порой и болезнью. Работа этнографического отряда получила высокую оценку руководства экспедиции.

За четыре месяца «Дмитрий Менделеев» прошел около 24 тысяч миль и посетил острова и архипелаги, расположенные во всех основных историко-культурных областях Океании: Новую Гвинею, Новые Гебриды, Новую Каледонию и Фиджи в Меланезии, Западное Самоа и группу Эллис в Полинезии, Науру и архипелаг Гилберта в Микронезии, а также островок Лорд-Хау, находящийся недалеко от восточного побережья Австралии. Кроме того, «Дмитрий Менделеев» заходил в Сингапур, Сидней и Токио. Каждая высадка заслуживает специального рассмотрения. Поэтому, не претендуя на сколько-нибудь полное освещение работы этнографического отряда, я расскажу здесь, как выполнялись стоящие перед ним задачи, и подведу некоторые предварительные итоги участия этнографов в экспедиции на «Дмитрии Менделееве»¹.

В 1971 г. отмечались две памятные даты: 125 лет со дня рождения Н. Н. Миклухо-Маклая и столетие с начала его экспедиционных работ на Новой Гвинее. Поэтому одной из важнейших задач этнографического отряда было посещение новогвинейской деревни Бонгу, где проводил исследования великий русский ученый-гуманист.

Наш отряд прожил в Бонгу четверо суток. Мы знакомились с повседневной жизнью папуасов, посещали их огороды и плантации. А по вечерам в отведенной нам хижине собирались именитые люди деревни и за общей трапезой разгорались интересные беседы, которые затягивались до поздней ночи.

Членам отряда удалось существенно дополнить описание традиционной культуры бонгуанцев, оставленное Н. Н. Миклухо-Маклаем. В частности, выявлены семейно-родовые группы (вемуны) — экзогамные коллективы, владеющие землей и сообща выполняющие некоторые трудовые операции. Составлены генеалогии нескольких вемунов. Записана местная система терминов родства. Прослежена судьба деревень Горенду и Гумбу, жители которых переселились в Бонгу. На магнитофонную ленту записаны многочисленные образцы песенного фольклора бонгуанцев, звучание их музыкальных инструментов. Произведены антропологические измерения, сделаны стандартные фотоснимки местных жителей для последующей метрической обработки и сопоставления с рисунками Н. Н. Миклухо-Маклая. Взяты образцы волос детей и взрослых для биохимического и генетического анализа.

С особым вниманием мы фиксировали изменения в различных сторонах жизни бонгуанцев, произошедшие за столетие. Конечно, обитатели деревни теперь уже не те первобытные люди, какими они были при Н. Н. Миклухо-Маклае. В Бонгу появились начальная школа, церковь, три маленьких лавочки. Местные жители употребляют железные топоры и ножи, носят одежду из покупных тканей (правда, очень скучную), имеют керосиновые лампы (которые зажигают, когда есть деньги на керосин). В деревне несколько транзисторных радиоприемников. Основным источником денежных поступлений — продажа скупишкам-австралийцам копры (сушеной мякоти кокосового ореха). Полу-

¹ В сообщении использованы фотографии, сделанные участниками экспедиции В. Н. Басиловым, Н. А. Бутиновым, К. В. Войтовой, Д. Д. Тумаркиным и А. В. Щербининым.

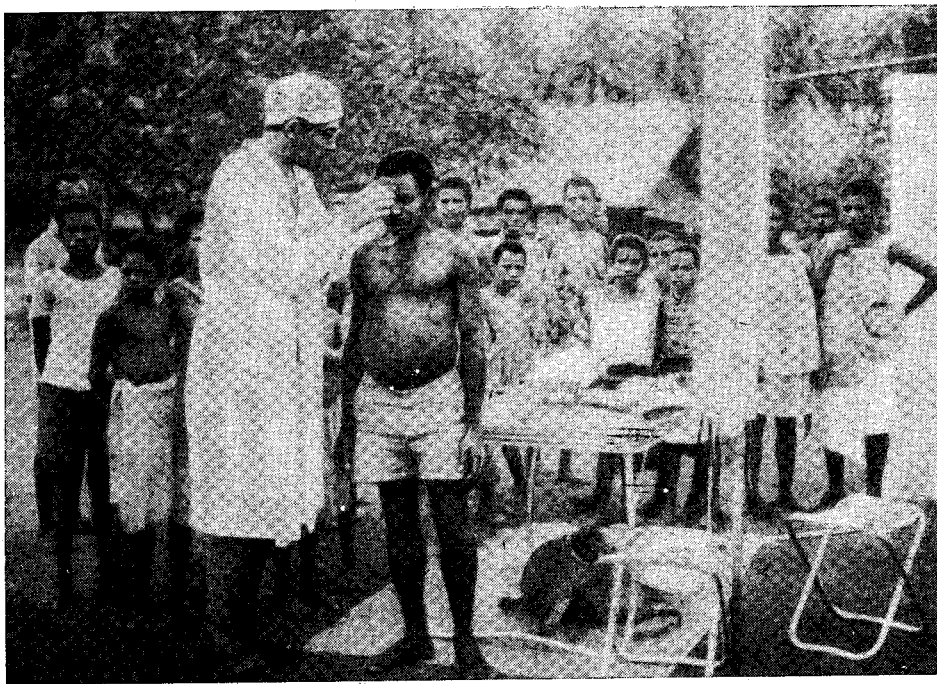

Рис. 1. Антрополог О. М. Павловский за работой. Деревня Бонгу

Рис. 2. Деревенская площадь в Бонгу

Рис. 3. Жительницы деревни Бонгу

хов и рыбы. Дома стоят теперь на сваях, но в остальном их конструкция мало изменилась. По-прежнему широко распространены ценовки, посуда из дерева и скорлупы кокосового ореха, а также глиняные горшки, которые, как и при Миклухо-Маклае, бонгуанцы приобретают в деревне Бил-Бил. На рыбную ловлю местные жители выходят в традиционных лодках-долбленках с балансирами, но употребляют железные рыболовные крючки, а наконечники бамбуковых острог делают из гвоздей.

Христианство усвоено бонгуанцами весьма поверхностно и переплетается здесь с древними верованиями; в деревне немало последователей папуаса Ялли — основателя «карго-культы» с ярко выраженной антиколониальной направленностью. Раньше деревенские дела совместно решали старейшины вемунов («большие люди»). Теперь в Бонгу есть деревенский совет, но заседают в нем главы все тех же семейно-родовых групп.

Этнографический отряд собрал на берегу Маклая обширный научный материал, который позволяет подготовить книгу «Деревня Бонгу сегодня». Чтобы стало понятно, как удалось за короткий срок добиться столь значительных результатов, необходимо обрисовать обстановку, в которой отряд работал в этой деревне.

Наше пребывание в Бонгу было богато неожиданностями — и для нас, и для папуасов. Сюрпризы для них начались уже тогда, когда наша шлюпка впервые подошла к берегу и они услышали: «О тамо, кайе! Га абатера симум!» (О люди, здравствуйте! Мы с вами братья!). То, что Н. А. Бутинов и некоторые другие члены отряда могли хоть в какой-то мере объясняться на местном языке, произвело на бонгуанцев огромное впечатление. Дело в том, что на нем говорят только жители Бонгу (около 400 человек), тогда как даже в соседних селениях — иные языки. Австралийские колониальные чиновники, изредка посещающие Бонгу, не знают здешнего языка и объясняются с местными жителями на «пиджин-инглиш». А тут появились какие-то иноземцы, говорящие по-бонгуански!

Удивление и радость бонгуанцев еще более возросли, когда они узнали, что мы прибыли из «страны Маклая»: обитатели этой деревни сохраняют добрую память о «тамо рус», он превратился в легендарную фигуру в местных преданиях, а в язык бонгу вошли русские слова топор (*тапор*), кукуруза (*гугруз*), арбуз (*абрус*), бык (*бика*). Бонгуанцы были очень рады гостям из «страны Маклая». Они охотно отвечали на все наши вопросы и всячески стремились нам помочь. Мы работали в атмосфере дружбы и взаимного доверия. Вот почему удалось добиться значительных результатов.

В свою очередь, и нас ждал сюрприз. Оказалось, что папуасы Берега Маклая по инициативе живущего здесь миссионера тоже готовились отметить 125-летие со дня рождения великого русского ученого. На 17 июля в Бонгу был назначен праздник, на который ожидался гости из других деревень. Мы должны были покинуть эти гостеприимные места не позже 13 июля, а потому попросили показать нам хотя бы фрагменты подготавливавшегося торжества. Бонгуанцы согласились и устроили праздник в честь экспедиции. Мы увидели пантомиму, изображающую первое появление Н. Н. Миклухо-Маклая в Бонгу (роль ученого, по просьбе местных жителей, исполнил капитан нашего корабля). Затем группа папуасов в традиционных нарядах продемонстрировала старинные танцы, исполняемые в особо торжественных случаях. Вместе с этнографами на празднике присутствовали многие другие участники экспедиции.

ценные деньги идут на уплату подушного налога, церковного сбора, на плату за обучение детей в школе, на покупку таких товаров, как рис, ткани, керосин и т. п.

Однако жители Бонгу сохранили многие основные черты своей самобытной культуры. Колониально-капиталистические порядки и элементы «западной» культуры здесь как бы наложены на традиционный жизненный уклад; они частично модифицировали его, но отнюдь не уничтожили.

Основой хозяйства остается подсечно-огневое земледелие и в меньшей мере — рыболовство, имеющие потребительский характер. Как и сто лет назад, женщины по утрам уходят на огороды, а вечером возвращаются домой, неся за спиной большие плетеные сумки с овощами, прикрепленные ляжками ко лбу. Главным земледельческим орудием остается деревянный кол. Пища, как и раньше, состоит в основном из корнеплодов и клубнеплодов (таро, ямс, бататы и др.), бананов, кокосовых орехов и др.).

Рис. 4. Праздник в честь экспедиции. Деревня Бонгу

Рис. 5. Традиционный танец. Бонгу

Рис. 6. Микронезийцы Т. Мозес и Р. Харрис — государственные служащие республики Науру

Мы расстались с бонгуанцами добрыми друзьями. Наша работа здесь проходила в духе гуманистических традиций Н. Н. Миклухо-Маклая, и мне кажется, что жители деревни еще долго будут с теплотой вспоминать паром с гостями из «страны Маклая».

С юбилеем Н. Н. Миклухо-Маклая была связана и работа этнографического отряда в Сиднее. В этом австралийском городе русский ученый провел около четырех лет и женился на Маргарите Робертсон; в настоящее время здесь живут его внуки Пол, Робертсон и Кеннет. Мы посетили в Сиднее памятные места, связанные с Миклухо-Маклаем, ознакомились с материалами о жизни и деятельности ученого, хранящимися в Сиднейском университете, Митчеллской библиотеке и доме Р. Маклая. Микрофильмы некоторых из этих материалов имеются в СССР². Но члены отряда обнаружили и такие музейные экспонаты, рукописи и фотографии, которые не были известны в нашей стране (например, папуасские черепа, привезенные Н. Н. Миклухо-Маклаем с Новой Гвинеи). Упомянутые учреждения и Р. Маклай обещали прислать в Институт этнографии АН СССР микрофильмы или фотокопии заинтересовавших нас материалов. Это позволит сделать более полным новое издание сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая, которое предполагается выпустить в ближайшие годы.

Другая задача этнографического отряда заключалась в ознакомлении с обстановкой в молодых независимых государствах Океании, с современной культурой и бытом их населения, с социально-экономической и культурно-просветительной политикой местных властей. Наша экспедиция посетила три из четырех молодых государств этого региона — Науру, Фиджи и Западное Самоа. Здесь удалось собрать интересный материал, существенно дополняющий наши представления об особенностях распада колониальной системы в океаническом островном мире и специфике развития освободившихся стран.

Ознакомление с современной обстановкой на Науру, Фиджи и Западном Самоа было составной, хотя и относительно автономной частью более широкой научной задачи — изучения процесса культурных изменений, быстро идущего на всех островах Океании. Мы использовали все возможности для сбора материала по этой проблематике. Так, члены отряда присутствовали на нескольких свадьбах на новогвинецком острове Эфате, наблюдали за заседанием совета вождей в самоанской деревне Летонго, в течение трех дней изучали жизнь одной из большесемейных общин на атолле Фунафути (острова Эллис). В портах Нумеа, Сува, Апия и Порт-Вила особое внимание уделялось проблемам урбанизации. Во время высадок мы посещали школы, знакомились с религиозной ситуацией, встречались с представителями администрации и местной интеллигенцией, стремились получить все доступные статистические материалы.

По степени разрушения самобытной культуры коренного населения и усвоения им «западной цивилизации» посещенные нами районы Океании можно расположить по своему рода «лестнице». У ее подножия будет находиться Берег Маклая, примерно посередине — Западное Самоа, а на самом вершине — Науру, где от старого жизненного уклада сохранились лишь отдельные пережитки. Там, где уцелел старый экономический базис (как это имеет место в Бонгу), более или менее сохраняется традиционная культура в целом, хотя отдельные ее стороны и подверглись модификации. Уничтожение же старого базиса неизбежно ведет в условиях Океании к разложению всего самобытного уклада и ускоряет аккультурацию. Именно это и произошло на острове Науру, где старая экономическая структура полностью разрушена и фактически единственной отраслью хозяйства стала высокотехнологизированная добыча фосфоритов.

При изучении процесса культурных изменений большое внимание уделялось выявлению степени сохранности общинных порядков, элементов коллективизма в собственности и труде. Как известно, эта проблема актуальна для многих стран «третьего мира» и имеет не только научное, но и политическое значение: общинные, коллективистские традиции (если они не превратились всего лишь в оболочку, маскирующую от-

² См.: А. Макаров, Документы о Н. Н. Миклухо-Маклае в Австралии, «Сов. этнография», 1963, № 6, стр. 114—117.

ношения эксплуатации) могут при наличии благоприятных условий облегчить переход на путь некапиталистического развития.

Общинные порядки, еще сильные на Берегу Маклая и вообще на Новой Гвинее, в значительной мере сохранились на Западном Самоа, островах Эллис, в сельских районах Фиджи, населенных коренными жителями, в меньшей мере — на островах Гилберта и Новых Гебридах. В сороковых—пятидесятых годах колониальная администрация поощряла создание на Новой Гвинее кооперативов, основанных на использовании местных коллективистских традиций. Но затем австралийские власти поняли опасность этих экспериментов и теперь делают ставку на насаждение в новогвинейских деревнях своего рода «кулацкой» прослойки. Эта политика начинает проявляться и на Берегу Маклая. Здесь в некоторых селениях появились субсидируемые властями единичные частные хозяйства (как правило, деревенских старост или членов совета местного управления), выращивающие на продажу крупный рогатый скот. А члены географического отряда нашей экспедиции, совершившие экскурсию в один из глубинных районов Новой Гвинеи, обнаружили и там несколько фермеров-папуасов, владеющих животноводческими фермами.

Оживленная дискуссия о судьбе распадающихся большесемейных общин ведется в настоящее время на Западном Самоа. Спор идет о том, насаждать ли вместо них частные хозяйства фермерского типа или создавать производственные кооперативы. Было приятно узнать, что в этом молодом государстве интересуются опытом кооперативного движения в разных странах, в том числе в советских среднеазиатских республиках.

Мне уже доводилось писать о так называемой революции в области просвещения, докатившейся и до островов Океании³. Но только на месте оказалось возможным полностью оценить значение и масштабы происшедших перемен. За последние двадцать лет в океаническом островном мире существенно расширилась сеть начальных, а местами и средних школ, появились педагогические училища и другие средние специальные учебные заведения, были открыты два университета (в 1966 г. — на Новой Гвинее, в 1968 г. — на Фиджи). Колонизаторы пошли на это по двум основным причинам: во-первых, они стремились создать на островах местную элиту, тесно связанную с чужеземцами, свою опору там в будущем, чтобы обеспечить сохранение своих интересов и влияния даже в случае предоставления островным территориям независимости; во-вторых, в условиях нарастающей научно-технической революции требовалось повысить уровень просвещения островитян, ибо без этого невозможно было подготовить из местных жителей нужные колонизаторам кадры квалифицированных рабочих, техников, работников транспорта, связи и сферы обслуживания, а отчасти и инженеров, получающих за равный труд гораздо более низкую заработную плату, чем «белые». Однако просвещение — обоюдоострое оружие и его «плоды» в Океании зачастую совсем не те, на которые рассчитывали колониальные власти. И в недавно освободившихся островных государствах, и во владениях империалистических держав мы встречали немало молодых людей, следящих за ходом мировых событий, отвергающих колониализм и всерьез задумывающихся о судьбах своей родины, о путях преодоления ее экономической и культурной отсталости. Эта молодежь — надежда будущей свободной Океании, залог ее движения по пути прогресса.

XVI сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО приняла в 1970 г. решение максимально форсировать в 1971—1975 гг. изучение самобытных культур Океании, так как им «грозит исчезновение в будущем десятилетии»⁴. А совещание экспертов ЮНЕСКО, созванное в январе 1971 г. в связи с этой резолюцией для определения наиболее неотложных научных проблем, назвало в качестве первоочередной задачи организацию «этномузыкалогических исследований и музыкальных записей в Океании»⁵. На этом фоне особенно очевидна значимость фольклорно-музыкальных изысканий, проведенных членом этнографического отряда Б. Н. Путиловым. Ему удалось записать на магнитоленту более 300 образцов песенно-музыкального фольклора обитателей Меланезии, Полинезии и Микронезии. Наряду с архаическими традициями, заметно варьирующимися от архипелага к архипелагу, зафиксировано складывание современного фольклорно-музыкального стиля, общего для всей Океании.

Кроме магнитофонных записей, члены отряда широко применяли киносъемки и фотографирование. В. Н. Басилов снял профессиональной кинокамерой «Конвас» около 5 тысяч метров цветной киноплёнки.

Одной из важнейших задач этнографического отряда было приобретение коллекций для ленинградского Музея антропологии и этнографии АН СССР. Этот старейший музей нашей страны получил серьезное пополнение — 121 предмет, дающие наглядное представление о многих элементах культуры и быта коренного населения Океании. Среди экспонатов, переданных нами в музей, — ритуальные фигуры предков с Новой

³ Д. Д. Тумаркин, Просвещение в Папуа — Новой Гвинее, «Сов. этнография», 1969, № 6, стр. 66—83; его же, Проблемы образования и подготовки кадров на островах Океании, в сб.: «Новые тенденции в развитии Австралии и Океании», М., 1971, стр. 152—181.

⁴ «UNESCO program on Oceanic cultures», «Pacific Science Association Information Bulletin», vol. 23, N 1—2, 1971, p. 8.

⁵ Там же, стр. 9.

Рис. 7. Девушка-самоанка. Деревня Леусоалии (Западное Самоа)

Гвинеи и Новых Гебрид, коллекция современной океанской тапы, музыкальные инструменты, посуда из глины, дерева, тыквы и скорлупы кокосового ореха, одежда из луба, листьев кокосовой пальмы и пандануса, модели домов, лодок и рыболовных ловушек, украшения из раковин и кабаньих клыков, образцы художественного плетения и т. д. 74 предмета куплены, остальные получены в дар от жителей посещенных островов. Уместно отметить, что наиболее многочисленная коллекция (43 предмета) была привезена из деревни Бонгу.

Важное значение имеет установление научных связей с исследовательскими организациями и отдельными учеными. Австрало-Океанского региона.

В Сиднее члены отряда посетили местный университет, Митчеллскую библиотеку, посвященный аборигенам отдел Австралийского музея естественной истории и Австралийскую школу тихоокеанской администрации. Кроме того, во время стоянки «Дмитрия Менделеева» в Сиднее И. М. Ме-

ликсетовой и автору этих строк удалось совершить поездку в столицу Австралии Канберру. Здесь мы ознакомились с работой Австралийского Национального университета и Австралийской академии наук, присутствовали на торжественном открытии XII Тихоокеанского научного конгресса и первом заседании его секции антропологии и социальных наук. Состоялись интересные беседы с приехавшими на конгресс этнографами-океанистами.

Полезные контакты были установлены при посещении Южнотихоокеанской комиссии и французского научно-исследовательского центра, расположенных в Нумеа (Новая Каледония), и Южнотихоокеанского университета в Суве (Фиджи). Преподаватели гуманитарного факультета этого университета тепло приняли советских этнографов и существенно облегчили нашу работу на Фиджи.

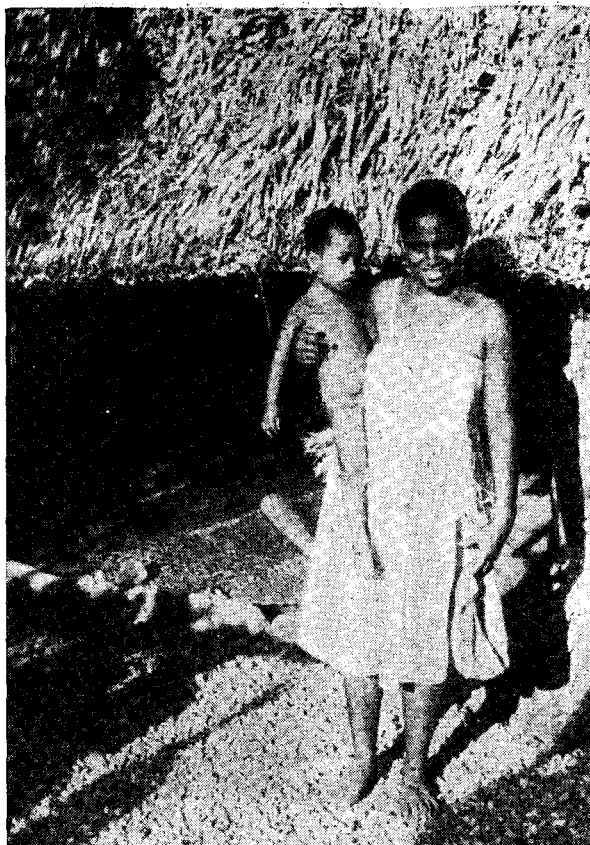
Значительный интерес представило ознакомление с двумя музеями, имеющимися в Меланезии, — Новокаледонским в Нумеа и Фиджийским в Суве.

Новокаледонский музей был основан в 1939 г. Он размещался в маленьком помещении при библиотеке. В 1970 г. для музея было построено специальное здание современной архитектуры, что позволило развернуть очень интересную экспозицию.

В этнографическом плане музей представляет огромную ценность. Экспонаты, отображающие культуру и быт коренного населения Новой Каледонии, чрезвычайно характерны, отобраны с большим вкусом и снабжены достаточными разъяснениями. В музее богатый набор орудий труда, охоты, рыбной ловли, предметов домашнего обихода, ритуальных предметов, всевозможных украшений, музыкальных инструментов, макетов хижин. Центральное место в экспозиции занимают деревянные скульптуры, которыми новокаледонцы обычно украшали «большие дома». Скульптуры эти удачно сгруппированы как в функциональном, так и в собственно художественном отношении. Очень интересны выставленные в музее материалы археологических раскопок, в частности керамика типа «лапита», датируемая на Новой Каледонии X—V вв. до н. э.

Фиджийский музей был основан в 1911 году. Он размещается в большом деревянном строении барачного типа, к которому в 1971 г. было пристроено ультрасовременное двухэтажное здание из стекла и бетона. Музей имеет преимущественно краеведческий характер. Наряду с показом фиджийской традиционной культуры его экспозиция знакомит посетителей с историей и природой архипелага. В музее имеются также

Рис. 8. Микронезийка с сыном. Атолл Марокей (о-ва Гилберта)

денные экспонаты, характеризующие самобытную культуру обитателей некоторых других островов Меланезии. В соответствии с политикой правительства молодого государства, направленной на преодоление отчужденности между фиджийцами и индийцами, составляющими ныне около половины населения архипелага, в экспозицию включены образцы индийской культовой скульптуры.

Мы подарили посещенным нами научным учреждениям и отдельным исследователям комплекты трудов VII МКАЭН и много другой советской научной литературы и, в свою очередь, получили для библиотек Института этнографии и Института востоковедения АН СССР свыше 150 книг, журналов и других изданий, отсутствовавших в нашей стране. С некоторыми исследовательскими центрами достигнута предварительная договоренность об обмене научными публикациями. Можно надеяться, что установленные контакты будут способствовать налаживанию плодотворного сотрудничества между советскими учеными-океанистами и исследователями, работающими в Австрало-Океанском регионе.

Таковы, в самом первом приближении, основные научные итоги работ этнографического отряда в 6-ом экспедиционном рейсе НИС «Дмитрий Менделеев». Они позволяют выпустить ряд оригинальных научных и научно-популярных работ, а также обновить экспозицию по Океании нашего ленинградского музея. Но этим не исчерпывается значение участия этнографов в тихоокеанской островной экспедиции: очень важно, что мы впервые увидели исследуемые районы своими глазами.

Ленинградский писатель Д. Гранин несколько лет тому назад сравнил советских этнографов-океанистов с астрономами, которые всю жизнь изучают далекие миры, не имея возможности их посетить⁶. Конечно, наша поездка в Океанию несоизмерима с появлением человека на других планетах, но для нас это было чем-то подобным: романтическим путешествием в далекий островной мир, который нам прежде приходилось изучать сквозь книжный «телескоп». Пребывание на островах Океании существенно расширило наш научный кругозор и заставило по-новому взглянуть на некоторые проблемы. Участники поездки теперь будут требовательнее относиться к своим собственным трудам и смогут глубже анализировать работы зарубежных исследователей.

У нас было много интересных встреч. Остановимся на двух из них.

В трех километрах от города Порт-Вила, административного центра Новых Гебрид, на берегу живописной бухты стоит дом французского художника Н. Н. Мишутушкина и его друга художника-полинезийца Пилиоко.

Николай Николаевич Мишутушкин родился в 1929 г. во Франции в семье выходцев из России. Рисовать начал в возрасте 16 лет. Много лет путешествовал по странам Азии, устраивая там свои выставки. В 1957 г. Н. Н. Мишутушкин прибыл в Океанию и с тех пор почти безвыездно живет в этих краях. Художник посетил многие острова Меланезии и Полинезии в поисках сюжетов для своих картин и для изучения местного самобытного искусства. Он собрал большую коллекцию образцов народного искусства меланезийцев и полинезийцев, которая в последние годы демонстрировалась в нескольких европейских государствах. Н. Н. Мишутушкин пытается создать на базе своей

⁶ Д. Гранин, Месяц вверх ногами, Л., 1966, стр. 17.

Рис. 9. Тапу Ливи — один из вождей атолла Фунафути

коллекции музей океанийского искусства в городе Порт-Вила, но исполнению этого замысла мешает недостаток средств⁷.

В 1959 г. Н. Н. Мишутушкин познакомился в Нумеа с юношей-полинезийцем Алоисом Пилиоко, художником-самоучкой, и помог ему овладеть техникой живописи. С тех пор Пилиоко сопровождает Мишутушкина во всех его странствиях. В настоящее время Пилиоко увлекается графикой и художественной вышивкой. Его произведения, выполненные в оригинальной манере, охотно покупают художественные галереи, гостиницы и частные коллекционеры в Австралии и Океании.

Мы осмотрели мастерскую этих двух художников и часть коллекции образцов океанийского искусства, хранящуюся при мастерской, получили консультацию по интересующим нас вопросам, записали на магнитофон подробный рассказ Н. Н. Мишутушкина о его жизни, творчестве и планах на будущее. Художник свободно говорит по-русски и хорошо знает русскую литературу, в том числе современную. Он мечтает организовать выставку своих произведений и собранных коллекций в Москве и Ленинграде. Н. Н. Мишутушкин подарил через нас Институту этнографии АН СССР две свои картины и полотнище тонганской тапы.

Незабываемое впечатление оставило знакомство с композитором-самородком Тапу Ливи — одним из вождей атолла Фунафути. Его песни, записанные на пластинки, широко известны в Полинезии; их передают по западносамоанскому радио. Но Тапу Ливи не получил ни копейки от дельцов, выпустивших эти пластинки; у него нет даже граммофона, чтобы их прослушать. Впрочем безденежье его не огорчает. «Деньги, — сказал он нам, — это дорога в ад». Тапу Ливи устроил для советских гостей показ местных традиционных танцев. Он очень удивился, узнав, что в такой великой стране, как Россия, нет кокосовых пальм, и от имени своей большесемейной общины преподнес экспедиции 400 молодых кокосовых орехов. На прощанье Тапу Ливи сказал, что сложит песню о визите «Дмитрия Менделеева».

* * *

Первый опыт включения этнографов-океанистов в экспедицию на научно-исследовательском судне АН СССР полностью себя оправдал. Мы надеемся, что этот удачный эксперимент положит начало доброй традиции. Вместе с тем экспедиция подтвердила необходимость и неотложность организации стационарных исследований советских этнографов на островах Океании.

Д. Д. Тумаркин

⁷ В Порт-Виле есть маленький краеведческий музей, занимающий одно из помещений местного Культурного центра.

КОНФЕРЕНЦИЯ ФОЛЬКЛОРИСТОВ В ЛЕНИНГРАДЕ

С 24 по 26 мая 1971 г. секцией фольклора Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии была организована научная конференция «Историческое развитие народного театра». Народное драматическое творчество впервые в истории советской науки было предметом специального обсуждения фольклористов, этнографов, театроведов и литературоведов.